

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

№ 1 (21) 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»

Главный редактор –

Анна Сергеевна Коржавина,
e-mail: askorgav@mail.ru

Редакционная коллегия

Литературный редактор –

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна
Дорошина), e-mail: lidiy2305@mail.ru,
редактор –

Марина Владимировна Герасимова,
e-mail: cubernihellady@inbox.ru,

технический редактор –

Нина Александровна Шеменкова,
e-mail: n02011952a@mail.ru

специалист по связям с общественно-
стью – Игорь Владимирович Табаков,
e-mail: igor.tabakov.65@mail.ru

секретарь – Нина Викторовна Стёпочкина,
e-mail: ninavs@mail.ru

дизайн – Никита Мошинский, e-mail:
SwedenSew@yandex.ru

художник – Елена Кузнецова, e-mail:
Elenakuznecova3905@gmail.com

Авторы несут ответственность за до-
стоверность приводимых в публика-
циях фактов, цифр, цитат, статисти-
ческих данных, имён собственных и
прочих сведений. Мнения, выражен-
ные в данном издании, являются ав-
торскими и не обязательно отражают
мнение редакции журнала.

Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 14.01.2024. Фор-
мат 60x84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 5. Тираж 200 экз.

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»

440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира,
д. 74-14

Тел. +79677016814

веб-сайт: <http://sociosphere.com>,

e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004,
г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышев-
ского, д. 88, литера У.
Тел. (8452)24-85-33

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Нина Келина. Чайный секрет	3
Татьяна Рузаева. Слово на полмиллиона	9
Наталья Каресли. Бал-маскарад	11
Зимние сказки	12

ПОЭЗИЯ

Вера Дорошина. Идём	13
«И если сверять часы...»	14
«Фабричная, Рабочая, Речная...»	14
Аркадию Царану	15
«А время неустанно что-то лепит...»	15
«Где я ходила – там ходики не ходили...»	15
«Не настаивай на настоящем...»	16
Надежда Князева.	16
«Мы говорим на разных языках...»	17
Город М	17
Минус один	18
«...Проснешься, предположим – не собою...»	19
«Слышишь – мир мурчит, трётся о песок...»	19
Вера Варламова. Зима	20
«Январь растаял за окном...»	20
Румынки	21
«Мне бы в поле, где ветра...»	21
«Как странно, обыденно, просто...»	22
Поздняя осень	22

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

Вячеслав Грачёв. Улица с ветлами	23
Маргарита Ардашева. «Спели то, что они...»	23
Вадим Борзихин. «Лишь пола скрип мне говорит о том...»	24
Галина Есипенко. Хочу проточною водой	24
Максим Токарев. Сотворится место	25
Людмила Захарова. Снегопад	25
Александр Буланов. «В конце концов, станет всё равно...»	25
Нина Шеменкова. Мой парус	26
Марина Герасимова. Хвоя	26
Олег Карев. На родине	27
Александр Милованов. «Вот так и вспомнится потом...»	28
Лариса Москвитина. Крещенский сочельник	28
Иван Коновалов. «Эх, а вот бы был я пряничный...»	29
Игорь Табаков. Разные	29
Анна Коржавина. «Зима из контекста...»	30
Виктор Глазунов. Мираж	30
Дмитрий Аникин. Сорняки	31

Победители конкурса «Одно стихотворение года-2023»

1 место – Галина Акимова. Пригрелись... ..	31
2 место – Евгения Шулинина. Слово	32

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Арутюнов. Служение и «сервис»	34
--	----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Ирина Немова. Александр Ильич Мозжухин «Мне Родина дороже всего»	38
Игорь Коротков. Зов предков	43
Ольга Корчагина	44
Держать спину прямо!	45

ВСТРЕЧИ ПОД «Я СЕНЕМ»

Ольга Корчагина. Литературному клубу «Я Сень»	46
Критику Питикову	46
Володе Ознобину	46
Лидии Терёхиной	47
Вере Варламовой	47
Галина Есипенко (Тимарцева). Яблоня	47
Нина Стёпочкина. Старая актриса	48

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Татьяна Новикова. В магазине	49
Белый кот	49
Надежда Храмова. Медведь и Заяц	50

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Марта Дудкина. Дружба в радость	51
Георгий Миргородский. Речка	52

СОБЫТИЯ. ДАТЫ	53
---------------------	----

ПРОЗА

Нина Келина

Нина Юрьевна Келина родилась в Новосибирске. Окончила естественно-географический факультет НГПИ. Жила в Новосибирском Академгородке, работала в НИИПК (ныне им. академика Е. Н. Мешалкина), а после переезда в Пензу – в Институте усовершенствования врачей, где защитила кандидатскую, а затем докторскую диссертацию. Затем в должности профессора заведовала кафедрой в ПензГТУ. Пишет прозу.

Чайный секрет

Если кто-то считает, что жизнь удалась только потому, что рядом находятся люди, которые тебя обожают и круглосуточно оберегают, не сомневаясь в том, что только твоё мнение может быть безоговорочно верным и должным быть принятым за основу, то, поверьте, не всегда это так, и не все с этим согласятся.

Но так полагала красивая, энергичная женщина по имени Маргарита, среднего или, как ещё говорят, бальзаковского возраста, заботливая мама пятиклассника Женьки, хороший клинический диагност и главный врач участковой больницы в одном далёком сибирском районном центре, который находился на границе трёх субъектов страны: Новосибирской, Омской областей и Алтайского края.

Расположение этого посёлка в нашей истории важно не только как место рождения героев этого рассказа. Оно значимо ещё и потому, что их характеры и мировоззрение сложились здесь, в сибирском крае, славящемся помимо обилия снега и морозов, ещё и добротой и гостеприимством его жителей. Немалую роль при этом сыграла близость Алтая со своей самобытной народной культурой, легендами, сказами, таинственными обрядами шаманов.

Эта история началась с того, что двух не обременённых семейными заботами тридцатипятилетних кандидатов наук ректораты их вузов направили в одну и ту же участковую больницу для оказания шефской помощи. Лиза работала в Новосибирском медицинском университете и приходилась

родственницей главному врачу, а Галя была её давнишней приятельницей ещё со времени учёбы в медицинском университете Омска.

Как и предполагалось, гости расположились на постой у главного врача, Маргариты. Она жила вдвоём с сыном в просторном доме, в котором могли разместиться как минимум ещё человек шесть. Их же, вместе с хозяевами, было всего четверо, так что каждый занимал отдельную комнату. Если выдавался свободный вечер, они коротали его, собравшись в большой уютной кухне. Деревянная, изготовленная на заказ мебель, подчёркивала оригинальность настоящей русской печи. Выложенная из огнеупорного кирпича и облицованная расписными изразцами, печь топилась дровами и углем и создавала на кухне такую атмосферу умиротворённости и благожелательности, что, находясь в ней, гости за два месяца ни разу не вспомнили о работе. Не велись обсуждения о ждущем своего завершения цикле лекций или о ненаписанном методическом пособии, хотя за срыв сроков сдачи им неминуемо предстоял серьёзный разговор с деканом факультета.

Они сидели на кухне, любовались на тлеющие в печи дрова, читали книги, которых в доме было великое множество, смотрели, как Женька, высунув кончик языка, что-то старательно рисует в альбоме. Иногда подшучивали над Галей, безуспешно пытавшейся освоить игру на гитаре, или просто молчали, вслушиваясь в тишину или завывание ветра за окном.

Отказ Маргариты от подключения современного газового отопления поддерживал её сосед Николай Степанович. Он приходил к ней два раза в день, растапливал печь и следил за тем, чтобы в доме было тепло. Он же расчищал от снега дворовые дорожки и выполнял другие хозяйственные дела. Плату за свои услуги брал умеренную, получая от соседки два раза в месяц определённую сумму в дни её получки и аванса.

Николай Степанович в посёлке особо дружбу ни с кем не водил, но со всеми был вежлив и пусть кратко, но отвечал на все вопросы знакомых односельчан. А ведь рассказать ему было что. История его жизни была непростой. По молодости служил в морской пехоте. Отслужив положенный срок, устроился матросом на круизный лайнер. В каких странах он только не побывал! Купался во всех водах Средиземноморья. Дважды пересекал экватор. Прошёл вдоль берегов Чёрного и Балтийского морей. Дослужился до помощника капитана. И в этом чине пятидесятилетний мужчина был списан на берег, на котором, как выяснилось, встречать его было некому. Только в сибирской глубинке его ждал опустевший родительский дом. Именно в нём он и решил доживать свой век, хотя седовласому, но ещё крепкому, красивому мужчине вряд ли подходило это определение – «доживать».

Районной больнице шефская помощь пришлась как никогда кстати. Простудные заболевания у детей и взрослых сменились гриппом. Заболевших было так много, что в посёлке объявили карантин.

В школе досрочно начались новогодние каникулы. Дети реже контактировали между собой, и к радости всей женской компании, Женька согласился «остаться на хозяйстве». С вечера ему заготовливали тесто и мясной фарш, а днём он лепил пельмени. Вечером, за ужином, он с гордостью докладывал, что в морозильнике прибавилось ещё три сотни аккуратных мясных шариков, завернутых в лепешки из тонкого теста.

Маргарита помимо своих прямых обязанностей руководителя больницы в две смены вела приём пациентов. Галя сутками пропадала в стационаре. Лиза же по просьбе главного врача, своей родственницы, взяла на себя экстренное обслуживание тяжело заболевших на дому.

Так пролетело два месяца, и вот, наконец, незадолго до новогодних праздников эпидемия пошла на спад. Стационарные койки постепенно стали освобождаться, очереди на приём становились короче.

До Нового года оставалась неделя. Однако вечерами ни о новогоднем меню, ни о гостях, ни о праздничном столе речи не заводили. Домой с работы все приходили уставшими, наскоро ужинали припасёнными заранее пельменями, запивали их брусничным морсом и усаживались поближе к печке. Чуть позже кипятили молоко, добавляли в него мёд, разливали по чашкам и, пожелав друг другу спокойной ночи, разбредались по своим спальням.

А утром всё начиналось сначала. Маргарита уходила на приём, Галя – в стационар, Лиза – на станцию скорой помощи.

Сегодня был один срочный вызов. На заимке, километрах в двадцати от районного центра, вот уже два дня с высокой температурой лежал пожилой мужчина. Тревогу забила его дочь, когда рано утром застала отца почти в бессознательном состоянии. Нужно было срочно туда ехать, но в спешке и волнении никто не обратил внимания на усиливающийся ветер и начавшийся снегопад. До места добрались без приключений, хотя на дороге в некоторых местах были уже приличные заносы. После осмотра пациента стало понятно, что ему требуется госпитализация. Погрузив носилки с больным лесником в машину, отправились назад. И вот тут-то пришлось поволноваться, водитель уже с тревогой внимательно следил за дорогой и вёл машину с максимальной осторожностью. Если бы не его профессионализм, то они могли бы увязнуть в сугробе. Их к тому времени на пути выросло предостаточно, и тогда неизвестно, чем мог бы закончиться вызов на заимку. Но всё, к счастью, завершилось благополучно. Машина с врачами и пациентом, оставив позади бесконечные заснеженные поля и с трудом преодолев заметённый вьюгой мост через скованную льдом реку, добралась, наконец, до районной больницы.

Этой ночью Лизе приснился странный сон.

Будто бы она на стареньком уазике спешила на вызов. Водителем почему-то был их сосед Николай Степанович. Вокруг простирались заснеженные пустынные равнины, пересечённые, словно лентами, оврагами и

неширокой речушкой с заросшими кустарником берегами. Солнце уже садилось. Машина ехала по узкой дороге, расчищенной грейдером.

Вдруг Николай Степанович стал обеспокоенно поглядывать по сторонам:

– Лиза, ты долго у пациента не задерживайся, не то мы в бурю попадём. Машина старенькая, не ровен час, застрянем. Вон, за пригорком ничего не видишь? Это ветер поднимается. Посмотри, как он намечает заносы на дороге.

«Я ничего не вижу, кроме белого поля и ясного темнеющего предвечернего неба» – подумала Лиза.

Но водитель, словно услышав её возражение, продолжил:

– Посмотри внимательнее. Видишь облачко? Это предвестник бурана. Зима у нас дама непредсказуемая, с капризами.

Лиза не придавала значения этим словам. Сидя в тёплой кабине, она пригрелась и задремала.

Вдруг машина резко дёрнулась и остановилась, но в кабине Николая Степановича на водительском месте почему-то не оказалось. Ей стало страшно, и она проснулась. Первой мыслью было: «Как же хорошо, что это только сон».

Но внезапно она почувствовала лёгкий озноб. Вставать не хотелось. Одеяло сбилось на одну сторону и ей показалось, что в комнате довольно прохладно. Поправив и натянув одеяло до самого подбородка, Лиза вспомнила только что приснившийся сон. К чему бы он? Причём здесь Николай Степанович? Он-то уж точно с ней никогда по вызовам не ездил. В больнице есть хорошая машина скорой помощи, а для экстренных случаев имеется реанимобиль, оснащённый по последнему слову медицинской техники.

Лиза открыла глаза и по привычке стала настраиваться на подъём и начало очередного рабочего дня, который в данной ситуации не сулил быть лёгким.

Рассвет наступал поздно, поэтому в комнате было сумрачно. Мороз постарался на славу и за ночь расписал окна причудливыми узорами. Ночная тьма ещё не отступила, и на тёмном фоне морозная роспись выглядела потрясающе красиво. Лиза подошла поближе к окну, но рассмотреть что-либо за плотным слоем инея было невозможно.

К вечеру она слегла с высокой температурой, следом за ней заболел Женька.

Первые два дня оказались настолько тяжёлыми для них, что Маргарита и Галя по очереди прибегали домой. Смерив температуру и убедившись, что больные приняли необходимые лекарства, они вновь возвращались на работу. Приходили поздно, уставшие, голодные. И если бы не привычка сибиряков заготавливать впрок пельмени, то им пришлось бы ещё сложнее. К концу вторых суток и Лизе, и Женьке стало ещё хуже. Их бросало то в жар, то в холод, температура не снижалась, лекарства не оказывали действенного результата. О еде Лиза даже думать не могла и катего-

рически отказывалась абсолютно от всего. Женька однажды попросил жареной картошки, но тарелка так и осталась почти нетронутой. Несмотря на ужасное самочувствие и слабость, он старался держаться, хотя иногда не выдерживал и начинал капризничать. Больной человек, а тем более ребёнок, зачастую не осознаёт, что людям рядом с ним тоже бывает нелегко.

Ближе к вечеру заходил Николай Степанович и сокрушался, что заваренный им утром чай оставался нетронутым.

На третий день после обеда он не пришёл. В доме заметно похолодало. Закутавшись в пледы и прижавшись друг к другу, Лиза и Женька пытались согреться, но всё равно было очень зябко, от слабости тяжелели веки и слипались глаза. Как долго она спала, Лиза не поняла. Но проснулась она от голода. Ей вдруг очень захотелось есть! Да так сильно, что даже голова закружилась.

Внезапно она явственно почуяла запах пельменей. Она решила проверить, насколько это было реально, с трудом встала и, пошатываясь, пошла на запах.

На кухне кастрюли с обедом стояли холодные, и разогреть их было не на чем. Остывшая печь выглядела так грустно, словно чувствовала себя виноватой в том, что в доме было не топлено.

И вдруг Лиза увидела нечто! Это не мираж и не сон: на столе стояли две дымящиеся тарелки с пельменями. С бульоном и таявшими в нём кусочками сливочного масла.

Когда Женька налил из термоса чай с незнакомым Лизе привкусом, у неё уже опять закрывались глаза. Проснулась она от разговора.

– Галя, посмотри, что там в чайнике. Я никак не пойму, – озадаченно попросила Маргарита.

– Может быть, в нём вода замерзла? – предположила Галя.

– Вода? Нет, жидкость, скорее на желе похожа!

– Откуда в чайнике желе? Он же не для киселя предназначен!

– Не предназначен... А вот кто из наших болящих додумался в нём пельмени варить, это мы сейчас узнаем! – грозно сказала Маргарита.

Тут до Лизы дошло, что обед приготовил Женька! Какой же он молодец, оказывается. Нашёл выход из положения! Но также поняла, что сейчас они получат нагоняй по первое число! Маргарите этот чайник почему-то был дорог. Она его лелеяла, берегла, и если в нём не было необходимости, убирала в шкаф.

Когда с бледными и виноватыми физиономиями Лиза и Женька вышли на кухню, в печке весело потрескивали дрова, Галя накрывала на стол, Маргарита помешивала что-то вкусное в кастрюле, а Николай Степанович подкладывал поленья в топку.

Ужинали молча, а потом перешли в гостиную.

Посреди комнаты в крестовине стояла пушистая ель. Её лапчатые ветви ещё не совсем оттаяли, но тепло уже проникло в маленькие шишки, и на них появились капельки душистой смолы.

Николай Степанович сел на диван и начал перебирать струны на гитаре. Заслышав знакомые аккорды любимого романса, Галя начала подпевать – сначала тихо, потом громче и уверенней. Дуэт гитариста и исполнительницы звучал так слаженно, что с трудом верилось, что это импровизация. А ведь на самом деле до этого момента Галя не подозревала, что Николай Степанович умеет играть на гитаре, а он не знал, что у Гали такой приятный голос.

Как я тебя ждала
В тот хмурый зимний вечер,
Как в тишине звала
И как боялась встречи.
Дом вьюга замела,
И в окна бился ветер,
Как я тебя ждала
В тот хмурый зимний вечер.

Распушившаяся в тепле ёлка своим естественным, без игрушек и мишуры видом доставляла радость этим людям, уставшим от тревоги за здоровье своих близких, от долгих холодных вечеров, затянувшегося одиночества.

И в этой белой мгле
Мне так хотелось верить,
Что счастья на земле
Бог каждому отмерил.
И капелька тепла
Нас ото льда излечит,
Как я тебя ждала
В тот хмурый зимний вечер.

Песня зародила в них надежду на то, что впереди у них будет много приятных событий и встреч.

Жаль, что любовь мудрей
Лишь с опытом утраты,
Но в суматохе дней
Мы этой болью святы.
Дом вьюга замела
И в окна бился ветер,

Как я тебя ждала
В тот хмурый зимний вечер¹.

До конца командировки по вечерам все пили чай из чайника с запахом домашних пельменей.

Татьяна Рузаева

Татьяна Александровна Рузаева родилась 25 апреля 1954 года. Окончила Пензенский государственный политехнический институт. По образованию и профессии – инженер-информационщик, программист, преподаватель, дизайнер.

Автор трёх сборников стихов. Публиковалась в журналах «Сура», «Четверговая соль», в региональных изданиях, альманахе «Четверги».

Участница литературного клуба «Я сень». Живёт в г. Пензе.

СЛОВО НА ПОЛМИЛЛИОНА

Бежать! Так больше нельзя! Она проснулась с этим твёрдым решением. Надо жить одной, уехать в любимый Питер или в Москву, где давно живут дети. Она снимет квартиру, будет водить внуков по музеям и театрам...

И дома у неё будет покой и порядок – никаких железяк и деревяшек с помойки по углам в гостиной и спальне, тяжелых ящиков с инструментами под кроватью, никаких лопат, гвоздей и ножовок – на кухне. Не будет этого дремлющего тела на диване перед телевизором с бесконечным футболом или тупыми ментами-бандитами. И самое главное – никто не посмеет срывать на неё своё раздражение, никто не нагрубит, не обидит её...

И вновь сквозь бинты ночного забытья и вату само-уговоров в сознании проступила боль вчерашней ссоры. Лавина брани, раздражения обрушилась на неё совершенно неожиданно и без весомого повода – как обычно...

Прожившей с этим человеком не один десяток лет, конечно, известны версии истоков такой вспышки – загнанное внутрь недовольство собой, гремучая смесь высоких амбиций и душевной лени, ревность, банальный эгоизм и прочее.

Но, даже досконально зная его неустойчивый, вспыльчивый характер, она всегда остро переживала такие срывы: «Разве так можно?! Со мной?!». Боль обиды шокировала, обжигала, душила. Возможно, надо относиться к этому как к болезни – как ни реагируй, а хромого не уговоришь

¹ Автор романса Сергей Трофимов.

не хромать, – но как отключить в себе рефлексы самоуважения и неприятия хамства?!

Вот и сейчас горькая волна прокатилась по сердцу...

Да, бежать! Ох, сколько раз это решение жарко припекало сознание! Но... воз был и поныне там... Нет. Нет и нет!! Так жить нельзя! И после завтрака она уселась за компьютер в поисках вариантов съёмного жилья в Москве.

После нескольких отбракованных окраинных вариантов она приглядела вполне приличную, судя по фото, квартиру – довольно близко к детям, хороший ремонт. У неё были некоторые сбережения на банковской карте, на пару месяцев аренды хватило бы, а вот дальше... «Найду работу!» – подумала она, но здравый смысл уже шептал ей на ухо что-то скептическое... Минимальный срок аренды – год. Ну, правильно! Ей же не на экскурсию, речь о решительном разезде! Хотя бы на год, а там – посмотрим...

И сколько же будет стоить год свободы – в денежном, а не моральном выражении? Простой расчёт вывел на внушительную сумму – почти полмиллиона, и шёпот здравого смысла стал ещё громче и отчётливей...

Да, так жить нельзя, это точно. Но ей вдруг показалось слишком прямолинейным это утверждение. А если хорошенько подумать? Ну, железки и деревяшки, допустим, можно вынести на балкон или даже просто не замечать – надо же мужчине и помастерить иногда. С телом у телевизора, конечно, сложнее, но терпела же до сих пор – хоть и зависимость, но ведь не алкоголизм. Так... Значит, уже всё хорошо?! Что же – и хамскую ругань, немотивированную агрессию, неудержимую злобу будем терпеть?! Нет, тут прислушаться к голосу здравого смысла никак не получалось...

Она вновь «прощупала» в сознании «болевы́е точки»... И нашла самый острый, кровото́чащий узел боли. Он НИКОГДА не извинялся, не делал шага к примирению. Она, измучившись, проплакав ночь, обычно сама шла навстречу, находила в себе добрый свет прощения. И всегда чувствовала его радость – проблема примирения решалась без его усилий.

Она теперь чётко осознавала – одно его «прости», сказанное искренне и вовремя, могло бы решить проблему! Да, беспричинно нагрубил, сорвался с катушек – с кем не бывает. И если ты умеешь добрым словом быстро снять оскорблённого тобой человека с крючка обиды, на котором тот корчится в муках непонимания и возмущения, то рубцов у него на сердце, может быть, почти не останется.

Итак, выходило, что его «прости» стоило почти полмиллиона! Ведь вопрос спасения отношений и такой гигантской экономии мог мгновенно решиться одним коротким словом.

Милый, а ведь ты богач! Подари мне полмиллиона, пожалуйста...

Наталья Каресли

Наталья Вячеславовна Каресли (Наталья Древина) родилась 4 февраля 1956 г. в Пензе.

Окончила Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК, мастерская нар. артиста СССР А. Баталова).

Работала на студии киноактёра к/ст. «Ленфильм» – актриса, была диктором русского отдела сирийского радио (г. Дамаск), руководителем детской театральной студии в Советском культурном центре (Сирия), менеджером по общественным отношениям в сирийской инжиниринговой компании «Хеско» (г. Дамаск).

Участница литературного клуба «Я сень». Живёт в Пензе.

Бал-маскарад

Восторгу не было предела, когда объявили, что в зимние каникулы старшекласников ждёт костюмированный бал, и состоится он вечером. Как не радоваться нашему седьмому «Б» – с этого года мы уже не какая-то там малышня, топочущая с Дедом Морозом и Снегурочкой вокруг ёлки на праздничном утреннике!

Мамы и бабушки у всех нас были рукодельницы, да и сами мы уже кое-что умеем. Фантазируй, шей-мастера, готовься!

Про мальчишек не помню, а вот девочки все обещали «ах, как нарядиться».

В назначенный день мама отпросилась с работы пораньше и больше часа драпировала меня в четырёхметровое полотно, то прихватывая его нитками, то закрепляя булавками. Сари цвета вишни, с рисунком по нему, напоминающим павлиньи хвосты, гладко зачёсанные и собранные на затылке волосы, подведённые косметическим карандашом глаза, точка между бровями – готово!

На дорогу от дома до школы вместо обычных пяти минут ушло больше: снега по щиколотку, сари внизу узкое – широко не шагнуть, шапка с помпоном так и норовит сползти на лоб, крупные клипсы тренькают, цепляются за воротник шубы. Уф! Вот школьный двор, дверь, фойе, где шапку – в карман, шубу нараспашку, из сапог – в туфельки. Они, как и сари, тоже вишнёвого цвета! И – вверх по лестнице! Для седьмого «Б» раздевалку по случаю вечернего бала устроили в кабинете английского языка, рядом с актовым залом.

Многоцветье, мельтешение и все-все... в самых обычных нарядных платьях. С притихшим сердцем подхожу к двери зала, открываю её, там музыка и тоже «выходные» разноцветные платьица. Не знаю, что сдела-

лось тяжелее, голова или ноги, очнулась – стою столбом возле окна в кабинете английского. Рядом подруга Таня и красавица Верочка из старшего, восьмого «Б».

– Чего ты? Мы ведь тоже в маскарадных костюмах, в костюмах кукол!

Похоже, конечно, платья красивые, по моде шестидесятых – силуэт трапеция. У Тани на шее бусы – чешская бижутерия, у Верочки бант в волосах.

Пока спускалась по лестнице, до первого этажа за мной шёл и что-то говорил, говорил десятиклассник Юра, а я думала только о том, что сейчас до дома доберусь мигом – не надо бояться, что намокнет в снегу подол сари, что разлетятся шовчики-живульки.

Дома мама рассердилась на меня, бабушка заплакала, а бесслёзная, как всегда, я сидела в месте для страданий – под письменным столом до тех пор, пока в голове не сложилась мозаика – сама виновата, побоялась быть не такой, как все.

Зимние сказки

Выхожу я теперь из дома, увижу свисающую с крыши сосульку и опасаюсь, как бы она мне на голову не упала. И вспоминаю... сбор сосулечного урожая. Мелочь собирала сама – с водосточных труб, скамеек, поперечин забора. Большие сосульки добывал, сбивая их палкой или черенком лопаты с карниза, неприменный участник всех моих игр и забав прадедушка Степан.

Сосульки-великаны своей ребристой морозностью липли к варежкам, вырывали из них шерстинки, но это не спасало их от поедания, меня от ангины, а дедулю от упрёков родных. Лежишь бывало в постели, прислушиваешься, как взрослые пеняют дедуле за потакание детским моим шалостям, жалеешь дедулю и себя, потому что, когда нас выпустят на улицу, от хрустальных сокровищ уже ничего не останется.

Но дедушка Стёпа придумал, как устраивать свидания с сосульками! Когда родители уходили на работу, он основательно укутывал меня – болящую, сажал возле стола, мы вместе поглядывали в окно, за которым хозяйничала зима, и наблюдали, как тают в тарелке принесённые им со двора сосульки.

В детстве зрение острее, душа зорче. Приходившего в дом Деда Мороза я жалела – печка топится, а он парится в шубе и валенках. Снегурочку не любила – кричит, кричит, и как только не охрипнет!

Ёлку папа ставил каждый год – не налюбоваться! Игрушки на ней лёгкие, как пушинки, – немецкие, трофейные: у птичек хвосты из упругих сверкающих волокон, шишки будто снегом присыпаны, разноцветные колокольчики тонко позванивают. Ставили ёлку не в углу, а посередине комнаты, чтобы можно было водить хоровод, и она, как живая, кружилась вместе с нами.

Поэзия

Вера Дорошина

Вера Анатольевна Дорошина родилась 29 сентября 1979 года в Пензе. Окончила филологический факультет ПГПУ им. В. Г. Белинского (отделение журналистики). Поэт, литературный критик, редактор. Автор девяти поэтических книг. Печаталась в местных и региональных СМИ, во многих журналах и коллективных сборниках, выходивших в Пензе, других регионах России и за рубежом.

Дипломант Всероссийского Пушкинского молодежного фестиваля «С веком наравне», лауреат конкурса им. А. И. Куприна «Гранатовый браслет», журнала «Сура», Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова и др. Член Союза писателей России. Живёт в Пензе.

Если сверять часы

Идём

Идём на загадочный остров Пески
мимо третьей Пензы,
водонапорной башни,
нелепой стелы,
сквозь оголённые тупики.
Черновики, сброшенные деревьями,
шуршат под ногами.
И понтонный мост дрожит,
и пустынный пляж шелестит
пакетиками из-под чипсов.

Какая такая био-политика? –
удивляются тополя, –
кто такой Агамбен?
Идём примерять рукава реки,
корочки льда отрывать от кожи,
почерневшими рукописями шуршать,
воздух искать в глазах прохожих,
загонять под ногти тоску,
тело вплавлять в бутафорский пейзаж,
где лодки и церкви
качаются на волнах,
идём что-то писать набело,
в первый снег вчитывать
случайных следов татуаж.

* * *

И если сверять часы, то только песком
между босой ногой и подошвой сандалиии.
Всё, что хотела пройти, я должна пешком,
ощутив срывающейся в ночи с педали

ногой на нет сходящую скорость шара,
который прикидывается мячом,
неоплаканным, дырявым, старым,
идушим ко дну к плечу моему плечом

год за годом резиновой грустной кожей,
кислород выдыхая в лёгкие мне.
Но сверить часы невозможно
(Таня знает – мячик лежит на дне).

* * *

Фабричная, Рабочая, Речная,
а чаще – Неизвестная дорога,
сдирающие кожу птичьей стаи,
летающие на юг, а с нами боги

останутся грустить на Коммунальной,
на Транспортной и Революционной,
заглянут в кухню, детскую и спальню
огнями непутёвого неона,

из вечно подтекающего крана –
кап-кап, по капельке, как так – такое диво?
Смотри-смотри поглубже в эту рану –
там, за окном, так тихо и красиво.

Аркадию Царану

Звони, звони, звонарь Аркадий,
в своей волшебной вышине
во славу Бога, Бога ради.
Как радостно сегодня мне

ловить в пол-уха эти звуки
и отворять скорей окно.
Худые жилистые руки
из неба тянут волокно.

Оно просвечено лучами,
не МРТ и не рентген,
а теми, что пребудут нами
как лучший ветер перемен.

* * *

А время неустанно что-то лепит
из глины, именуемой судьбой,
под этот наш такой нелепый лепет,
похожий на смешной программный сбой.

И месяца остроконечный серпик
скользит по сердцу лодочкой-тоской.
Луч золотой, осыпавшийся сепией.
Как хорошо – покос, погост, покой.

* * *

Где я ходила – там ходики не ходили,
по ночным бурьянам, по тоненьким паутинкам,
кисти Ван Гога достойны мои ботинки,
тот ещё артефакт под слоями пыли.

Где я плыла, на плавник нанизавши звёзды,
берег другой ощущая в кровящих жабрах,
след от крючка разгорался ночным пожаром,
и на зубах леденцовый крошился воздух.

Где я летала, латала какие дыры?
Аэростаты да дирижабли летели мимо,
сыпалась в руку пыльца неземного грима,
ангельских крыльев выверты, майна-вира.

* * *

Не настаивай на настоящем,
оно и так
застоялось, как чёрный ящик,
как белый флаг

в ожидании мира, который
как будто здесь,
но как только раздвинешь шторы –
так вышел весь

смутной весточкой, небыличкой
о том, о сём,
неуклюжий глагол безличный
строкой Басё.

Надежда Князева

Надежда Александровна Князева родилась 3 мая 1986 г. в г. Лукоянове Горьковской области. Окончила Арзамасский государственный пединститут им. А. Гайдара. Работает преподавателем английского языка в Новоселковской общеобразовательной школе Арзамасского района. Живёт в Арзамасе.

Автор четырёх стихотворных сборников. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов разного уровня.

Член Союза писателей России.

Осознавать и музыку, и слог

* * *

Мы говорим на разных языках.
Витраж из мутных стекол омурано.
Немой санскрит в прожилках бирюзы.

И мне, конечно, хочется прочесть
Тебя, но как во сне, скользят слова
И знаки убегают из-под пальцев.

Сжижаясь, воздух искажает звук,
И я по-рыбьи шевелю губами,
А в легкие вбирается вода.

Лишь тусклый золото-зелёный луч,
Пронзивший толщу, нужен, чтобы видеть
Затейливые закорючки строк,

Осознавать их музыку и слог,
Не понимать, но принимать как благо,
Значенье ощущеньем заменив,

Как говорил БГ, сирени куст
Нельзя понять, но можно наслаждаться
Его цветами. Даже в темноте.

Город М.

Твоё молчанье – шарканье подошв,
поспешный шёпот лопавшихся почек,
потешный переклик радиоточек,
речной воды мурашечная дрожь.

Твоих имён блаженное моё
незнание, кровосмешенье стилей,
смешная строгость золочёных спиелей,
где облаков развешано бельё.

Высоток вознесённость – и в контраст –
подземных поездов тугая тяга.

Твоих глубин обычная бумага,
пригодная для карт, не передаст.

И, мартовской пропитана тоской,
гляжу в тебя рассеянно-влюблённо –
под чешуёй стеклянного дракона,
над бережно подставленной рекой.

Минус один

Слякоть. Простуда.
Минус один.
Прятаться в пабы,
К звону посуды и записям Queen.
Греть свои лапы
Тусклым теплом алкогольного льда.
В горле прогорклом
Больно застряло словцо «никогда»
Чёрствою коркой.

Рой неразборчивых голосов,
Разные лица.
Минус один. Ты ещё не готов
Этим делиться.
Рану зажать,
Боль на ноль умножать
Тщетно пытаться,
Чтобы себя сохранить,
удержать,
Не вычитаться.

С неоспоримо серых небес
Снег – как потеря.
Ты подпеваешь:
«Friends will be friends»,
Будто бы веря.
Капля по глыбе бокала ползёт,
Кажется слизнем.
Ждёшь холодов у окна,
Словно кот
С минус одной
Жизнью.

* * *

...Проснёшься, предположим – не собою,
А кем-то, вдруг переступившим тлен,
И видишь сквозь пробоины обоев
Изнанку жёлтых обнажённых стен,

И видишь под пологим пледом пыли
Запавших клавиш шамкающий рот,
Рояля переломанные крылья,
Обвисшие, забывшие полёт.

В облупленной портретной позолоте
Под паутиной не узнать лица,
И жизнь его – не более чем оттиск
На теле Соломонова кольца,

И зная, что увидишь на портрете,
Но медля с занесённой рукой,
Ты понимаешь, что на целом свете
Нет никого, кто помнит голос твой.

* * *

Слышишь – мир мурчит, трётся о песок
Мягкой пеной слов,
Но есть люди, что словом собьют с ног –
И отхлынут вновь.

Слёзы счастья – прозрачная органза,
Звонких звёзд лучи –
И так много хочется им сказать,
Только ты молчи:

Твои речи для них – пение кита
В лесополосе.
Эти люди верны лишь своим котам,
Да и то не все.

Ты не вступишь в замкнутость их миров,
Словно буква «ять».
Если больно глотать ком из тёплых слов –
Научись мурчать.

Вера Варламова

Вера Александровна Варламова родилась 6 июня 1954 г., в д. Павловка Крутцовского с/совета Колышлейского р-на Пензенской области.

Автор трёх сборников стихов. Печаталась в «Литературной газете», коллективных сборниках, местных СМИ.

Участница литературного клуба «Я сень».

Румынки

Зима

Что же ты понаделала:
Расстелила по полям шубы белые.
На деревьях – кружева не плетёные
А у речек берега заметённые.

Переправы звонким льдом застелила.
Моё сердце отогреть позабыла.
Оттого оно болит, замерзая...
Может, это не зима? Я такая.

* * *

Январь растаял за окном
Сегодня ночью,
Февраль с утра стучится в дом –
Капризный очень!

То вьюгой яростно пылит,
Стучится в двери,
То оттепелью удивит –
С утра капли!

Деревья под моим окном
Повеселели,
И скоро снова заскрипят
В саду качели.

Румынки

Из кованного сундука
Отец достал ботинки
И так чудно он их назвал:
– Носи, дочка, румынки.
Я их надела... Боже мой!
Ногам уютно стало!
А их высокий каблучок
Нисколько не мешал мне.
Не модно – не лиха беда!
Под брюками не видно.
И каблучок мой цок, цок, цок!
Подружкам всем завидно!

* * *

Мне бы в поле, где ветра,
Где метели крутят.
Может быть, печаль-тоска
Там меня отпустит.

В повседневной суете
Как-то забываю,
Что года уже не те,
Что и я другая.

Вспомню, как пурга мела,
Ветры завывали.
Мы с тобой своих друзей
В гости зазывали.

И не спали до утра,
А под пляс метели
Пили красное вино
И про счастье пели.

* * *

Как странно, обыденно, просто
Уходит душа в небеса:
Остался безжизненный остов,
И бездну узрели глаза.
Но нет в них ни боли, ни страха,
Как будто бы вечность сняла
Одетую наспех рубаху,
Взяла и с собой унесла.

Поздняя осень

Ноябрьский, стылый дождь
И стонет ветер,
Вгоняя в дрожь нагие дерева
Последний лист, он рыж и светел...
А под ногой сгоревшая листва
Опавшая листва... Её посланник
Никак не хочет припадать к земле
Он, как и я, такой же мокрый странник.
Ловлю листок, чтоб подарить тебе.

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ
подборка стихотворений участников и гостей
литературного клуба «Я сень»

Вячеслав Трачёв

г. Москва

Улица с вётрами

Вспоминаю я улицу с вётрами,
Как мальчишкой носился по ней,
Дом наш, окна с морозными стёклами,
Льда узоры, лучи фонарей.

Возвращаюсь встряхнуть вдохновение,
Дня на два погостить, повидать,
Чтоб потом в телефонном общении
В этом месте себя представлять.

Принимай меня, Родина малая!
Городок, да селенье при нём.
Мне чужбина подругою стала бы,
Если б был в ней родительский дом.

Мargarита Ардашева

г. Ставрополь

* * *

Спели то, что они
привозили нам.
Переслушали
Всё новьё.
Раскроили флаги –
То тут, то там
пошивают из них
быльё.
Не снимай рубаху,
теперь в толпу
отправляется твоя речь,
и летят слова –
тополиный пух

по Крещатику.
Им залечь
за бордюрным камнем
в песок и пыль
да впитаться в нас.
Так рождается в музыке
новый стиль,
и сжимается вечность
в час.

Вадим Борзихин

г. Пенза

* * *

Лишь пола скрип мне говорит о том,
Что всё же я какой-то вес имею.
На большее надеяться не смею,
Договорим потом.
Когда потом? Когда пройдут года,
Когда забудутся обеты-обещанья.
Покинет тело мрачное сознание,
Договорим тогда.

Галина Фризенко

г. Сердобск Пензенской области

* * *

Хочу проточною водой
С бревёшек ветхих
Стирать пропахшую тобой
Рубашку в клетку.

Хочу, стыдясь девичьих тайн,
Вдыхать твой запах,
И целовать украдкой ткань,
И сладко плакать.

Хочу шагать за окоём,
Плеча касаясь,
И до конца идти вдвоём.
Но так не случилось...

Максим Токарев

г. Заречный Пензенской области

Сотворится место

Кому-то сидеть на радуге,
Кому-то в неё впрягаться.
Ах, солнце с дождём, как рядом вы!
И свет ваш вовек не гаснет.

Всему сотворится место,
И каждая роль почётна.
Молчание – звёзд известье,
А слово как солнце полдня.

Людмила Захарова

г. Никольск Пензенской области

Снегопад

Чёрной кошке не мешает
Белый снегопад.
Мокрые следы плутают,
Лапы лишь дрожат.

Мысли странные зависли,
Точно снегопад.
Появились и раскисли –
Кислые висят...

Чёрной кошке не мешает
Белый снегопад.
Но куда идти – не знает,
Слёзы – звездопад...

Александр Буланов

г. Москва

* * *

В конце концов, станет всё равно,
Есть ли Бог или нет.

Все ушли из города так давно...
Так давно – оборот планет.

Только мы остались тут стоять
И тогда не пошли на зов.
А сейчас следам захотелось спать...
Ватерлоо, Ленинград... Азов?

Мы на поле битвы не пошли,
Ведь война – это против нас.
И все швы надвое разошлись,
Чтобы снова страна собралась.

Юлия Шеменкова

г. Пенза

Мой Парус

Был день, как день: спокойный, ясный,
Гром не гремел средь бела дня.
Сама с собой была согласна,
Мир светлый вдохновлял меня...

Вновь, строя планы – в этом соль –
Бежала я в объятья лета,
Мне представлялось: я – Ассоль,
Мечтой о счастье обогрета...

Но в эту сказку погружаясь,
Вдруг поняла, что парус мой,
Легко судьбу опережая,
Прошёл давненько стороной.

Марина Терапилова

г. Пенза

Хвоя

Поймать тишину. Вдохнуть колдовскую хвою.
Шузы искупать во мху и сухих иголках.
Возможно, где-то счастье бывает иное –
В уюте квартиры, в пледе и книжных полках.

Всё это зимой. Не могу полюбить зиму.
Хорошего в ней – Рождество и всё та же хвоя.
Тянись, моё лето, жаркое невыносимо,
сосновая песня
и мы – заплутавшие двое.

Олег Карев

г. Пенза

На родине

*Дымы из труб в небо всё выше.
Янтарней золота восход,
Морозный воздух слаще, чище.
Крещенских рать – Россию жмёт.*

О. К.

В лазурь небесную вливаясь,
Ввысь поднимаются дымки,
Белёсым инеем ссыпаясь –
Крестьянской доли ручейки.

И тишина... Здесь оглушает
Скрипящий свежестью снежок,
Да глупый хай, что поднимает
Вдогонку куцый кобелёк.

Парадно шествуют морозы,
В тепле уютится народ.
Трещат подмёрзшие берёзы,
Лишь у детишек хоровод.

И я – среди них, забыв про печку,
На санках вниз с горы лечу,
Пересекаю лихо речку,
Как в детстве, звонко хохочу.

Снег чистотой глаза ласкает,
Играет искрами – до слёз,
А ночью небо высыпает
Свет миллиардов близких звёзд.

Ах, сердцу милая глубинка,
Я вновь с тобой, в мечтах кружа,
Во мне живёт твоя кровинка,
Корнями там моя душа!

Александр Милобанов

г. Москва

* * *

Вот так и вспомнится потом:
мы – три фигуры в зимнем поле,
Кобель, виляющий хвостом.
В груди ни радости, ни боли.
Прогулка, и почти что март,
пытаюсь догонять собаку,
а позади – отец и мать,
а впереди ещё, однако,
полжизни – поле перейти
по насту снежному, по корке,
где каждый шаг – провал почти
туда, куда уходят корни,
куда уходят тихо все
любимые
неумолимо.
Прогулка в средней полосе.
Машины пролетают мимо.

Мариса Москвитина

г. Пенза

Крещенский сочельник

В крещенский нынешний сочельник стояла полная луна.
С небес, как страж ночной, взирала на землю тихую она.
Её белесо-серым светом залит был весь подлунный мир.
В безбрежном тёмно-синем небе струили звёзды свет в эфир.
Деревья, в снеге по колена, как будто, не стоят, бредут.
От них внизу темнеют тени. Покой деревьев стерегут.
Дома, придавленные снегом, с труб в небо сизый дым струят.
Заборы, провода, деревья в снега укутаны стоят.

Мороз в тиши жестоко колет, и под ногами снег скрипит,
Свисают с крыш зубцы сосуллек, а лунный свет их серебрит.
И Ориону в звёздном царстве – полночном небе хорошо!
Начало таинству Крещенья и Водосвятия пришло!

Уван Коновалов

г. Ярославль

* * *

Эх, а вот бы был я пряничный,
я висел бы на дереве –
кто-то бы мне радовался.
А так, глядишь, повесишься,
а радости только врановым.
Умные они и хитрые,
всякую падаль чествуют:
слава тебе, скажут, млекопитающее,
эко жиру нагулял для нас,
экий ты дородный и вкусный.
Для того ты и родился, глупенький,
чтоб висеть тут на верёвочке,
висеть да покачиваться,
нас кормить, когда мы голодны.

Угорь Шабакон

г. Пенза

Разные

Какие разные: ушедший вечер
и многообещающий рассвет.
А день грядущий, что ещё не спет,
готовит новые прощания и встречи,
пустые и наполненные речи
с глубинным смыслом, с пеной на губах,
с очарованьем иль тоской в глазах...

Реально, а порой и иллюзорно
в цепочку дня вплетаем мы звено
Жизнь строится усердно, рукотворно...
И рушится эффектом домино.

Анна Коржавина

г. Москва

* * *

Зима из контекста
Выходит сама.
Пусть дом наш на месте,
Снег сходит с ума.

Летящие звёзды,
Бессмертный пейзаж...
«Зачем ты берёшься
За свой карандаш?

Не выйдет ни строчки!» –
Сказала мне тьма.
Но треснула ночью
Скорлупка ума.

Виктор Глазунов

г. Пенза

Мираж

Мой город всплыл, окутанный туманом,
Как булка хлеба в тёплом молоке,
Как древний храм, возникший над лиманом,
Иль белый парус в море – вдалеке.

Вокруг него поля пшеницы зрелой
И перелески в золотой листве...
Как будто Некто кисточкой умелой
Вписал в простор сюжет о волшебстве...

.....
Вдруг ветерок с соседнего пригорка
Скатился вниз, потом рванулся ввысь.
«Он был да сплыл» – глаголет поговорка.
Тумана хлопья в небо поднялись.

Дмитрий Аникин

г. Москва

Сорняки

Насыпало семян бог весть откуда,
из мест благословенных столько, что,
и пролетев полмира, не теряют
сил жизненных, прожорливости доброй –
и уж на что пустырь там за сараем
мёртв, неродящ, а он, да и сарай, –
в побегах свежих, ярких, извести
которые – никак. Пускай себе
сорняк мои владенья заполняет,
соседей мучит нудною работой...

Победители конкурса «Одно стихотворение года-2023»

1 место – 45 баллов:

Галина Акимова

с. Секретарка Сердобского района
Пензенской области

Пригрезилось...

Пригрезилось:
родимый дом,
кровать с подзором и периной,
знакомый запах керосина
и лампы свет под потолком...
Кряхтит затопленная печь,
нежны объятия дремоты,
и дров загадочная речь
стихает в жерле дымохода.
Ночь поддвинулась к окну
густою пеленою мрака,
и, прогрызая тишину,
скулит соседская собака.
Пригрезилось...
Но отчего ж
так ноет сердце беспощадно?

Всё понимает: не вернёшь,
не отмотаешь жизнь обратно...
Мне эхом прошлого слышны
побудки из ночного мрака:
среди оглохшей тишины
скулит бездомная собака...

2 место – 42 балла:

Евгения Шумина

г. Омск

СЛОВО

Живое слово зажигает мир,
Во тьме искрится Эльма огоньками.
Вдруг оживает всё: и тлен и камень,
В горниле жизни суть закрепит пламень,
Приветит неба синий кашемир.

А заплутаешь в густели лесной,
Так заморочат тропок узких сети,
Подумаешь, что ни за что на свете
На этой обитаемой планете
Не обретёшь уютный дом земной...

Пройдя сквозь трав сплетённых колтуны,
Ты, будто чудом выплутав из чащи,
Услышишь голос верный, настоящий,
Живое слово, что сильнее и вяще
Любой разрухи, горя и войны!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Василиса Николаевна Максимова

(1986 г. р.)
родилась и живёт в Москве.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Арутюнов

Сергей Сергеевич Арутюнов родился в 1972 году в Красноярске. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького по специальности «Поэзия» (семинар С. И. Чуприна и Т. А. Бек). Печатался во многих российских журналах, в газетах «Книжное обозрение», «Литературная Россия» и «Литературная газета» и во многих других печатных органах.

Доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. А. М. Горького, научный сотрудник Издательского совета Московской Патриархии, главный редактор портала «Правчтение.ру».

Служение и «сервис»

*Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно?*

А. С. Пушкин. Из Пиндемонти.

Превратно понятое пушкинское «себе лишь одному служить и угождать» привело сословие людей умственного труда в 1990-е гг. на самый край бездны.

Нет ничего убийственнее, чем утрата веры, что в советскую, да и в дореволюционную пору была незыблема: в просвещение народное.

Тогда лишь завзятый скептик мог бы язвительно вопрошать, а достаточно ли просвещены сами просвещающие, на что был бы ему предъявлен диплом о высшем образовании, самый увесистый и фундаментальный диплом, дававший те самые «права», а вернее, одно и то же незыблемое право – просвещать и просвещаться.

«Корректировка» интеллигентского кодекса тридцать лет назад клещами вытаскала из него стеновой хребет – жертвенность во имя народного блага, беззаветное служение людям как смысл жизни.

Именно тогда, после 1991-го, интеллигенция продемонстрировала до сих пор памятную весёлость: фуршетные от щедрот новоявленных «олигархов» («спонсоров», которых было стыдно назвать меценатами) плясали буквально на дымящихся телах жертв «локальных конфликтов». И уже в корреспонденциях какого-нибудь «Вечернего клуба» эти шабаши с икрой и дорогим шампанским из пластиковых стаканчиков называли пирами и валтасаровыми, и во время чумы.

Потянулись на Запад. Визы добывались гостевые, потом рабочие: «слависты» (уехавшие раньше) зазывали к себе смельчаков почитать лекцию-другую, вообще «осмотреться» с прицелом на гражданство и ПМЖ. «Страны соц. лагеря» не котировались, ибо ужасный «совок» искрошил там, по слухам, гусеницами возлюбленное европейское благоденствие. Но на первое время – если выезд многомесячный – и этого было довольно. Вербовка постсоветских «лекторов» длилась более десяти лет, а затем интерес к ним начал спадать, и ворота медленно прикрыли: для завоевания «положения» нужно было проявить себя как отчаянный русофоб, «присесть» по статье если не политической, то митинговой.

Советская элита, ориентированная на Запад, и не могла быть иной: её мифология, сама того не сознавая, была по сути своей мелкобуржуазной, неразрывно связанной с капризными «мажорами» – сыновьями и дочерьми крупных чинов со Старой площади, но более всего – с набиравшими силу «цеховиками» и «фарцой».

Интеллигенцией в те годы и поныне остались не приманенные магнитом Запада «бюджетники»: те самые учителя, врачи, библиотекари, военнослужащие и священство, не ушедшие «на вольные хлеба», не вступившие на зыбкую почву «челночничества» и не размешавшие лучшие свои замыслы в болтанке «рынка», а оставшиеся верными и профессии, и призванию.

КТО ТАКОВ НАРОД. Памятно, как спрашивали брюзгливо, а кому тут, собственно, служить, и не противна ли вообще идея служения идее свободы.

Те, кому никакого противоречия здесь не виделось, отвечали, что только в служении и можно обрести свободу, если речь, конечно, идёт о свободе духовной, а не материальной, гнаться за которой можно всю жизнь, и так и не достичь её, не попирая ничьих жизней.

На вопрос, кому же всё-таки служить, отвечали, обводя рукой неисчисляемые скопища огней в жилых домах и промышленных зданиях – им, всем им, входящим и выходящим, бодрствующим и спящим без исключения.

Тогда-то и спрашивали уже с откровенной издёвкой, достойны ли поименованные приносимой жертвы, и с непоколебимой внутренней ре-

шимостью настоящие интеллигенты, ведущие родословные от «севших на землю» ещё в XIX-м столетии отвечали – «да».

Ибо если бы жертва перестала приноситься, сословие утратило бы всякую надежду.

...Народ помимо статистической общности есть представление каждого из нас о нём, но не абстрактное, а самое что ни есть реальное, опирающееся на опыт личного свидетельства о судьбах.

«Малые круги» расходятся от семьи, родни и друзей к однокашникам и соседям, образуя набор показательных примеров того, как стоило и как ни в коем случае не стоило бы жить.

Среди неисчислимого множества их вычленяется то самое нравственное начало, побуждающее к подвижничеству.

Неизбежно равенство народного образа в душе каждого размышляющего о нём по своему образу и подобию: чем выше в его глазах люди, чем более скорбен и одинок их подвиг, тем величавее и его служение им.

И только такой механизм индукции позволяет верить и продолжать жить. Насильственное или соблазнительное изымание его из личностной линейки ценностей приводит к нравственной катастрофе.

СЛУЖЕНИЕ И «СЕРВИС». Давно уже подмечено, что горячее подвижничество сперва измельчается, а потом и развеивается по ветру бюрократизацией ежедневных рабочих обязанностей, имеющей в виду нормативы исполнения тех или иных «услуг».

Иными словами, оказываемая юным смешным несмышлёнышам «образовательная услуга» более чем противостоит идее Просвещения, противодействует ей. Педагог любого звена образования – не автомат выдачи знаний, с чем превосходно справляется и Интернет. Он – человек, отдавший себя тем самым несмышлёнышам, действующий на арене образования как личность, и его зрелость, и его слабости, прекрасно различимые детьми, выступают не фоном, а основным содержанием урока.

Отчего учитель, что называется, «с утра подпил», или почему глаза его кажутся тоскливыми, или по какой причине он замкнут или охвачен восторгом, загорается им, что он прочёл или увидел накануне, чем восхитился, а против чего вознегодовал – те реакции, что исследуются детьми в первую очередь.

Апатичное, забюрократизированное образование – изначально не в русской традиции. Перед обучаемыми – человек.

И точно так же дела обстоят в иных сферах.

Библиотекарь – не машина для выдачи книг по списку или запросу. Он – советчик, направитель круга чтения, исследователь, психолог. Нельзя представить себе библиотекаря, не спрашивающего у читателя, понравилась ли ему книга, и чем именно, и по каким причинам.

Русская культура сегодня совершенно забыла, какими лаконическими репликами у стоек с вечно горящими настольными лампами она образовывалась.

Культура, как и любое служение, не может быть «сервисом».

Не может быть выражения «военная услуга» даже в отношении «наёмника», не говоря уже о контрактнике и мобилизованном. Отдающие жизнь и здоровье и при обременении гражданскими кредитами никогда не признают, что отработывают на поле боя зарплату, ибо война есть ежедневно приносимая жертва. Что ж говорить о войне за души?

Мы видели равнодушных чиновников, прикосновение которых обращает любое золото в труху, и положение, при котором величайшая внутренняя свобода вырождена в способность в любую минуту сменить одного хозяина на другого, ощущается противной всей человеческой природе. Логика крепостничества, «Юрьева дня» – логика того самого «рынка», обездвигившего народную волю, лишившую её искр и самопознания, и даже желания возобновления и в конечном счёте выживания.

Вымирание нации, отрицательный баланс рождаемости и смертности лучше всего показывает, на какой стадии находится размышление народа о себе. В будущем абсолютному большинству людей не видится ощутимой возможности исполнить мечту о всеобщем счастье...

Такой климат создан тем, что называется «информационной повесткой»: пока средства массовой информации выставляют в качестве образцов для подражания самых чудовищных представителей «элиты». В личных блогах – свои праздники и свои некрологи, никогда не появляющиеся даже в местной прессе.

«Горестная весть пришла из N. После долгой болезни скончался NN, любимый, кажется, всеми, кто его знал. Фундаментальный физик по образованию, он, после закрытия института, вынужден был сменить род своей деятельности. В последние тридцать лет он работал звукорежиссёром N-ского театра, создав целую акустическую школу». В ленте – лицо простых черт. Простых, но надёжных. Светлых. Возможно, администрация и расщедритя, и снимется для местного телевидения десятиминутка, повествующая о преставившемся лаконично и в достойных тонах, но покажут ли её по центральному телевидению, и говорить нечего: «неформат».

Продолжение следует

КРАЕВЕДЕНИЕ

Материал подготовила

Ирина Немова

Ирина Борисовна Немова родилась в с. Волхонщине, Кондольского р. Пензенской области 17 января 1969 года.

Окончила Пензенское культпросветучилище. Работала библиотекарем. После обучения на юридическом факультете СГА более пятнадцати лет посвятила юридической практике. В 2018 году переехала жить в Крым и там занялась краеведением. Она нашла захоронение генерала П. С. Котляревского в Феодосии. Принимала участие в научных конференциях. В 2022 году вернулась в Пензу. Получила дополнительное образование как экскурсовод и гид. Ирина Немова ведёт исследования рода «Мозжухиных-Карассарини», «Горюшкиных-Сорокопудовых» и др. Материалы её исследований опубликованы в газетах «Сурские просторы» и «Пензенская правда».

Александр Ильич Мозжухин МНЕ РОДИНА ВСЕГО ДОРОЖЕ

ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ. Кондоль. Пенза

11 августа 1878 года – дата моего рождения. Село Сергиевка, Кондольской волости, Петровского уезда, Саратовской губернии – место моего рождения.

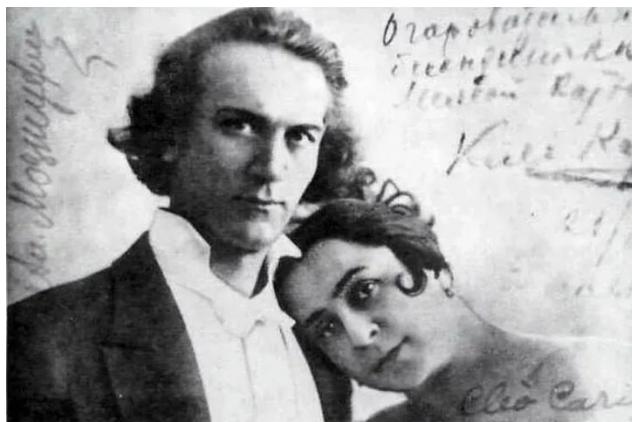
Отец мой Илья был сыном Ивана, а Иван был сыном Семёна, а как звали отца Семёна, т. е. моего пра-пра-прадедушку, я к стыду своему не знаю. Знаю, что все они были крепостными крестьянами помещиков Бахметьевых, и отец мой был ими отпущен на волю. Низшее образование он получил в мордовском селе Дёмкине в сельской школе, а «высшее» в городе Пензе в уездном училище. Отец его, мой дед, Иван

Семёнович до восьмидесятипятилетнего возраста управлял имением сначала Бахметьевых, а потом Оболенских, к которым он перешёл. Отец мой был у него помощником или, как называлась эта должность, конторщиком, а после смерти деда и до революции 1905 г. управлял этим имением.

Мать моя, Рахиль Ивановна Ласточкина, была дочерью священника нашего села.

Обращение с нами, с детьми, было необычайное. Огорчить чем-нибудь отца или мать для меня было самым высшим наказанием. Всю свою жизнь они отдали нам, детям.

Папа нам не отказывал в удовольствиях, особенно в деревенских, у нас у каждого была своя лошадь. Верхом мы ездили все очень хорошо, особенно я. Я мог ехать стоя на седле, рысью без забрасывания стремян через седло, как это делают казаки. Мама тоже принимала участие в наших верховых поездках...

Первое моё знакомство с музыкой и пением началось с самого раннего детского возраста. Мама моя обладала прекрасным голосом меццо-сопрано. Музыки не знала, но пела по слуху романсы и русские песни. Особенно осталось у меня в памяти её исполнение «Не искушай меня без нужды» Глинки, который она пела часто вдвоём с нашей сельской учительницей.

Мой дядя Амфал за красоту своего голоса был посвящён в дьяконы кафедрального Саратовского собора. В то время он пользовался большой известностью не только в Саратове, но и в соседних городах. Амфала Ласточкина знал весь Саратов. «Ночной смотр» Глинки я слышал первый раз в его исполнении, но без аккомпанемента.

Одно лето в Сергиевской церкви работал приглашённый из Пензы для обновления икон художник, «богомаз». В свободное время художник писал портрет Рахили Ивановны. Как-то он принёс в наш дом скрипку и стал играть.

Раздались звуки, каких я ещё никогда в жизни не слышал. Звуки такие сладкие, такие приятные, что хотелось слушать их без конца. В звуках этих, только без слов, я слышал песню, которую пела моя мама: «Не шей мне, матушка, красный сарафан», и много других, не знакомых мне песен.

В кабинете отца за шкафом висела спрятанная в мешок скрипка, которую мой отец некогда выиграл в лотерею за 25 копеек. Достав скрипку, на которой осталась целой только одна струна, я начал упражняться и в следующий приезд художника, к общему восторгу, сыграл ему «Чижика». Для скрипки раздобыли новые струны, и уроки музыки продолжились.

В селе Кондоль, в земской школе, я получил своё начальное образование.

В 1889 году приступил к занятиям в подготовительном учебном заведении – Тихоновском духовном училище, располагавшемся в Пензе на улице Лекарской. Провёл в училище пять лет вместо положенных четырёх – из-за буквы «ять» в одном классе сидел два года. Поступил в 1894 г. в Пензенскую духовную семинарию, которую закончил в 1900 году.

ФИЛАРМОНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ. СКРИПКА. УРОКИ ПЕНИЯ. Москва

Своё первое музыкальное образование я получил в Московском филармоническом училище. Специальностью моею была скрипка. В Пензенской духовной семинарии я учился играть на скрипке у Ладыгина.

Параллельно я брал частные уроки пения у Ю. Н. Вишневецкой, ученицы К. Эверарди. Она была в высшей степени и особенно музыкально образованным человеком. Первые же мои уроки после указанных её некоторых упражнений с дыханием и звуком, начались с сольфеджированной арии Сусанина «Чуют правду». Работа с Ю. Н. была так интересна, так увлекательна, что через полтора года я имел в репертуаре кроме романсов наших классиков: Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Бородина, Балакирева, Римского-Корсакова, ещё пять опер «Жизнь за царя», «Русалка», «Руслан и Людмила», «Фауст» и «Севильский цирюльник». Ю. Н., зная, что я беру уроки игры на скрипке, никогда в течение этих полутора лет не сказала мне, чтобы я оставил эти занятия. Наобо-

рот, она всё время мне говорила, что скрипка разовьёт мою музыкальность.

НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ. Первые гастроли

В Москве я начал свою карьеру как оперный и камерный певец. Будучи ещё учеником Филармонии я как певец в 1903-ем году, был принят в известный тогда всему нашему музыкальному миру «Кружок Керзиных».

Пел в духовном хоре Соловцева в церкви на Даргомиловской заставе.

В 1905 году, в Кисловодске, в группе Форкатти подписал контракт. Далее были другие контракты и гастролы по городам Одесса, Казань, Саратов, Самара, Н. Новгород, Тифлис, Туапсе, Баку... и – возвращение в Москву.

ГАСТРОЛИ ДЛЯ ЗЕМЛЯКОВ. Пенза. Кондоль

В Пензе я выступал в театральных мастерских, возглавляемых Ф. И. Вазерским, и дал концерт в пользу консерватории, принесший семь миллионов валового сбора. Зиму просуществуют благодаря этому сбору. (Есть информация, что на часть от этих денег Вазерский купил рояль, и он сейчас находится в Первой музыкальной школе... И. Н.)

Камерные вечера всё ещё новость для провинции: как это выступает совсем один??? Но после первого концерта пришлось уступить просьбам и устроить до семи вечеров.

Особенно сильное впечатление оставил вечер, устроенный для крестьян моей деревни. «Мужики» слушали со слезами на глазах, в особенности такие вещи, как «Забытый», «Калистрат» и т. п.

В благодарность за этот вечер я получил «адрес», для меня особенно дорогой, а для других интересный, пожалуй, потому, что такого «адреса» нет ни у одного концертанта в мире: «адрес написан на вырванном листе из какой-то приходно-расходной книги и снабжён даже печатью».

Из воспоминаний кондольчанина Ф. И. Осипова: «Первый концерт проходил в Кондоле, в здании Народного дома. Зал был битком заполнен зрителями – крестьянами не только из Кондоля, Сергиевского и близлежащих сёл, но и из отдалённых Князь-Умёта, Урлейки, Князевки. Большое впечатление на всех произвело уже одно появление на сцене, освещённой большой керосиновой лампой, Александра Ильича в чёрном фраке, манишке и полуботинках и Клеопатры Андреевны в белом платье. Программу концерта составляли русские и зарубежные классические произведения, оперные арии, народные песни (в частности, «Старый капрал» А. Даргомыжского, «Утёс Степана Разина» А. Навроцкого, «Мельник (В путь)» Ф. Шуберта, арии Мефистофеля («Фауст» Ш. Гуно) и Демона («Демон» А. Рубинштейна), народные песни «Вдоль по Питерской», «Ах ты, ноченька» и другие). Некоторые произведения Александр Ильич исполнил на бис, а «Песню про блоху» — трижды. Реакция зрителей была самой восторженной. После того как прозвучал последний аккорд, несколько человек поднялись на сцену и на руках стали качать Александра Ильича».

Видевший Александра Ильича в этот приезд житель Кондоля П. Карпухин описывал его так: «Одет он был по-домашнему, в тапочках, лёгкой пижаме и белой сорочке, глубоко расстёгнутой, так что на груди виден был небольшой нательный крестик на тонкой серебряной цепочке.

Чистое белое лицо, молодое лицо для артиста в 42–43 года. Черты лица чётко очерчены и приятны, волосы пышные, голос густой, но мягкий».

Из воспоминаний дяди П. Карпухина: «Однажды летом Александр Ильич во время церковного богослужения читал «Апостол». Читают его перед амвоном, нараспев, начинают тихо, медленно, с постепенным ускорением темпа и возвышением голоса, достигающего огромного звучания. Так вот, дядя Миша услышал чтение «Апостола» в исполнении Александра Ильича, находясь на улице перед церковью на расстоянии 300 метров. Сила звучания голоса поразила и восхитила его. Слышал я и от других односельчан, что когда Александр Ильич читал «Апостол» – оконные стёкла в церкви дрожали».

Продолжение следует

Игорь Коротков

Игорь Юрьевич Коротков родился 25 июня 1965 в г. Миасс Челябинской области. Детство провёл в с. Кажлодка Мордовской АССР. Окончил Пензенский политехнический институт по специальности инженер-механик.

Потомок и исследователь народа шокша. Соавтор книги «Удивительные странствия Доктора Шокша». Основатель музея народа шокша в с. Грабово Пензенской области.

В настоящее время работает тренером по самбо, дзюдо. Игорь Юрьевич тренер по восточным единоборствам и автор сборника сказок народа шокша.

Зов предков

Я давно занимаюсь поисками наследия моего древнего народа шокша.

Существуют различные мнения об этом угро-финском роде, его истоках и истории. Одни причисляют его к эрзянам, другие считают одной из ветвей мокши. Третьи знают, что это самостоятельный и довольно многочисленный народ, рассеянный по России и, вероятно, не только по ней.

Просматривая книгу «Реки Пензенской области» под редакцией П. В. Зимина и Г. В. Ерёмкина, я обнаружил в ней названия рек Шукша и Шокша, которые протекают в Пензенской области.

Ориентируясь по карте, мы начали исследование с окрестностей посёлка Мирный Мокшанского района. В первой экспедиции было всего три участника – я, моя супруга Елена Короткова и наш товарищ, специалист по рекам Анатолий Рузанов. Мы определили по карте, где начинается ручей Шокша, который затем впадает в реку Шукша. Нашли мы его быстро, так как зима была малоснежной, дорога открытой. Ручей находился под толстым слоем льда. Пойма его заросла кустарником и деревьями. Зимний день короткий, солнце уже заходило за горизонт, когда мы поспешили обратно. По пути уже обдумывали, каковым будет продолжение наших исследований.

Следующая поездка состоялась 2 февраля 2023 года. Мы поставили перед собой задачу непременно посетить храм Михаила Архангела в селе Шукша и исследовать приток реки Шокша в Суру. В состав группы входили уже пять человек – мы с Еленой, Рузанов, мастер резьбы по дереву Владимир Суркин и мой незаменимый помощник сын Леонид.

На этот раз мы отправились в Лунинский район. Заехали в село Шукша. Почти в начале его стоит храм в честь Михаила Архангела, вернее, то, что осталось от некогда величественного строения. Тщанием мест-

ного священника часть храма – помещение, над которым висел колокол, восстановлена.

В этот день, 2 февраля 1943 года, свершился переломный момент в Великой Отечественной войне – вражеская армия генерала Паулюса попала в котёл и была разбита. Мы почтили память наших погибших солдат и помолились Михаилу Архангелу, чтобы помог России победить в сегодняшней войне с фашизмом на Украине.

Затем мы поехали к реке Суре, к тому месту, где в неё впадает Шукша с её притоком Шокшей. Шукша – левый приток Суры. Длина её 70 км, уклон 0,45 м/км. Это степная река. В основе названия лежит финско-волжское шокш (мари) – «рукав, приток». В этом убеждает нас и более ранняя форма названия, известная по росписи сторожей 1571 года – Шокша. (М. С. Полубояров. Древности Пензенского края в зеркале топонимики, 2010). Одна улица села Шукша заканчивается на берегу реки Шукши. В наше время её называют старицей реки Шукша. Этот участок между реками Шукша (Шокша) и Сура мы назвали Шокшинской косой. Сердце замирало от величественной красоты природы! Словно специально для нас матушка зима позаботилась – создала ледяное покрытие на реках, по которому мы свободно передвигались. Сфотографировавшись на месте слияния рек, уже перед обратной дорогой, мой друг, моя жена Елена, моя Боярава, организовала «праздничный обед», во время которого и по пути домой делились друг с другом впечатлениями от увиденного. Ставшее нам родным место слияния рек Шукши (Шокши) и Суры мы решили снова навестить во время паводка.

Ольга Корчагина

Ольга Васильевна Корчагина родилась 11 июня 1950 г. в Казани.

Окончила Пензенский политехнический институт по специальности инженер-конструктор. Работала на предприятиях Пензы.

Печаталась в альманахах «Четверги», «Литературная Канада» и др., в книге «Праздники и памятные даты земли Пензенской», в журнале «Четверговая соль».

Участница литературного клуба «Ясень». Живёт в Пензе.

Держать спину прямо

Одно из моих ярких детских впечатлений связано с музыкой Чайковского и домом № 19 на улице Кирова рядом с Советской площадью. Сейчас это здание Законодательного Собрания. До революции это был Дом дворянского Собрания, а во времена моего детства – Дом пионеров. Менялись времена, менялись приоритеты. Советская площадь теперь Соборная, и нет уже на ней знаменитого памятника Карлу Марксу. А знаменит он тем, что первый в России.

Я спускаюсь по улице Кирова мимо памятника Первопроходцу, Музея одной картины – их в моём детстве ещё не было. В здании Литературного музея была начальная школа № 13 им. В. Г. Белинского, а монастырь служил жилым фондом.

А вот мой Дом пионеров. Вспоминаю, как мама в первый раз открыла передо мной массивные двери, и я оказалась во дворце из сказки: высокие потолки, овальные окна, ниспадающие занавеси, блестящий пол, отражавший солнечный свет, льющийся из окон. По широкой огромной лестнице мы поднялись в зал на втором этаже. Там стоял большой блестящий рояль, вдоль стены – стулья, около которых толпились девочки в белых юбочках. Такую одежду я видела на фотографии в семейном альбоме. В 1929 году, когда маме было 8 лет, она занималась в балетной школе. Может быть, именно из-за не реализовавшейся детской мечты она решила и меня записать в балетную студию.

На занятиях я старалась изо всех сил: ловила каждый взгляд строгой учительницы, внимательно слушала каждый такт музыки, исполняемой пианистом. Больше всего мне нравилась мелодия танца маленьких лебедей. Казалось, звуки солнечными зайчиками рассыпаются по паркету, потом собираются вместе и летят к высокому потолку, а оттуда падают и опять рассыпаются по полу.

Однажды мама грустно сообщила, что в школу танцев я больше не пойду. Учительница сказала, что продолжать занятия нет смысла – поступь у меня тяжеловата. Я впервые ощутила горькую потерю чего-то очень большого, дорогого и заплакала. Представила наш зал, музыку, и вдруг я услышала строгий голос учительницы: «Держать спину прямо!».

Я перестала плакать и выкрикнула: «Ну, тогда купите мне пианино!». Папа ответил: «Нет. Лучше мы купим тебе велосипед».

Теперь, когда приходится проходить мимо здания бывшего Дома пионеров, в памяти всплывают слова строгой учительницы.

– Первая позиция. Держать спину прямо!

И я невольно распрямляюсь.

ВСТРЕЧИ ПОД «Я СЕНЬ»

Ольга Корчагина

г. Пенза

Литературному клубу «Я Сень»

Судьбой надломлена слегка,
Я прихожу сюда за речью,
Как к водою, светлой речке,
Где совершенство языка.
Как к родниковому колодцу,
Что чистоту глубин хранит,
Притягивает, как магнит.
Не просмотреть его до донца.
Не ограничены ни в чём
Старинные аз, буки, веди,
И кружит облако, как лебедь,
Над тем истоком, над ручьём.

Критику Питикову

Борясь с небрежностью в словах
и стиле, бьёшься не по злобе.
Я как в спасительном окопе —
В надёжных критика руках.

Володе Ознобину

В стихах добротных чётко, броско
Я снова слышу Маяковского
И его «Облако в штанах» —
С мужскою прямою в словах.

Лидии Терёхиной

Такое чувство стилия, меры
Даётся знаменосцам, первым.
Но совершенство языка –
Так эта ноша не легка!

Вере Варламовой

Стиха не чувствую деталей,
А будто укрываюсь шалью:
Я – в кружевах из доброты.
Мне так легко от простоты!

Талина Есипенко (Тимарцева)

г. Сердобск Пензенской области

Яблоня

Вечен только яблоневоый цвет.

Лидия Терёхина

Яблоня засохла у оврага.
Обнажились корни, почернев.
Нижний сук, изогнутый зигзагом,
Обречённо смотрит в бездны зев.

Ни дрозда, ни зяблика, ни сойки...
Лишь в трухе мышей возня и писк.
Выбеленный зноем голый остов
Как угасшей жизни обелиск.
Пробегая мимо быстрым шагом,
Отвожу свой взгляд от деревца.
Кажется, она не ливня жаждет –
Скорой смерти просит у Творца.

А я помню яблоню в цветенье,
Что была, как Муза, хороша.
В звездочках сияющих соцветий
Стиховая пенилась душа.

Трепеща под ветром над откосом,
Испускала чудный аромат,
Лепестков танцующая осыпь
Словно рифм изысканный каскад.

Расцветают яблони для яблок,
Красоты и радостных побед.
Даже если в памяти он явлен –
Вечен в мире яблоневого цвет!

Юлия Стёпачкина

г. Пенза

Старая актриса

Д. А. Лобузной

Ещё не верит, что забыта,
Всё шепчет роли, как молитвы.
Не переносит буден, быта,
Годам устраивает битвы.

Глотнув из старой плоской фляжки,
Опять становится кокеткой.
Потом лежит, вздыхает тяжко,
Уставясь, на обои в клетку.

То перед зеркалом – картинно,
Но там не та, кого искала.
То нервно ходит по гостиной,
Теряя пепел, где попало.

То резко в сад окно откроет,
И – монолог (мороз по коже!).
И старый клён актрисе, стоя,
Подолгу хлопает в ладоши.

Только плечиком пожала.
Ну а папа не смутился
И сказал: «Таким родился».

Надежда Крамова

г. Никольск Пензенской области

Медведь и заяц

Зайка спрятался в малину
От Лисы хитрющей,
Потому что для него
Нету зверя злюще!

Мишка Зайца не заметил
Под кустом малины.
Обижать Зайчонка Мишке –
Не было причины.

Наступил большой Медведь
Мальшу на лапку.
Под малиновым кустом
Зайка серый плакал.

Чтоб вину свою загладить,
Мишка травкой в тот же день
Излечил больную лапу
И ходил за ним, как тень.

Дал он Зайцу обещанье
Помогать ему всегда.
С той поры Медведь и Заяц
Подружились навсегда.

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Марта Дудкина

Марта Дудкина родилась 25 ноября 2009 года в г. Заречном Пензенской области. Она победитель всероссийского фестиваля-конкурса «Свободный стих», областного конкурса юных поэтов и прозаиков им. А. А. Сазонова, призёр XVI всероссийского открытого конкурса юных поэтов, прозаиков и журналистов «Рыцари Золотого пера – 2023» и др. Учится Марта в МОУ «Лицей № 230» и является участницей Школы юных писателей «ЗатоАрбат».

Дружба в радость

Сделав доброе дело, чувствуешь крылья за спиной.

Хочу рассказать одну историю, которая многому меня научила.

Три года назад мы переехали с семьёй в новый дом. Лифт ещё не работал, и всем жильцам приходилось ходить по лестнице. В тот день я задержалась в школе и поднималась в квартиру очень уставшая. На четвёртом этаже встретила маленькую девочку с красивыми голубыми бантами и добрыми большими глазами. Малышка подпрыгивала, пытаясь дотянуться до звонка квартиры № 16, но у неё ничего не получалось. Я предложила ей помочь, и та с радостью согласилась. Я позвонила в дверь, и когда в квартире слышались шаги, девочка весело закричала, что надо бежать. Моему удивлению не было предела. Забыв про усталость, перепрыгивая через две ступеньки, я тоже побежала вниз.

Уже на улице девочка объяснила, что это очень смешно – звонить в дверь и убегать. Мне же было не по себе.

Я стала объяснять Леночке (а именно так звали мою новую знакомую) всю глупость этой игры. Когда мы вновь поднимались наверх и дошли до четвёртого этажа, дверь в ту самую, квартиру № 16, оказалась открыта. В дверях стояла грустная старушка.

Увидев нас, бабушка начала рассказывать, что уже две недели ждёт в гости сына с женой и внуком. И вот – долгожданный звонок, а за дверью – никого.

Нам стало очень неловко, и Леночка тихо сказала бабушке, что ошиблась, позвонила не в ту дверь. Девочка, к слову, жила этажом выше.

Дома я рассказала эту историю маме. Она, покачив головой, протянула мне только что испечённые пирожки, и вскоре мы с Леночкой отправились в ту самую квартиру.

Открыв дверь и увидев в наших руках тарелку с пирожками, бабушка улыбнулась и пригласила пройти. За чаем мы узнали, что хозяйку квартиры зовут Антонина Степановна, что она учительница, сейчас на пенсии, квартиру в новом доме ей купил сын, но из-за постоянных командировок он не может её часто навещать. А наши пирожки она похвалила и спросила рецепт!

Когда мы через неделю ещё раз заглянули к старушке, застали всю её семью в сборе: сына с женой и розовощёкого малыша-внука. В этот день мы пили чай все вместе с тортом, который испекла Антонина Степановна! Бабушка была очень весёлая, даже помолодела!

С того дня прошло чуть больше трёх лет. Нам включили лифт, и ходить пешком не приходится. С Леночкой мы подружились, и нередко заходим в гости к Антонине Степановне. Иногда она просит нас что-то купить в магазине, и мы делаем это с радостью.

Георгий Миргородский

9 лет, МБОУСОШ № 2 г. Нижний Ломов.

Речка

Ледоход, ледоход –
Взбунтовалась речка,
Перестала быть она
Кроткою овечкой.
Надоело ей лежать:
Отлежала все бока.
Захотелось ей бежать,
Словно в небе облака.

СОБЫТИЯ. ДАТЫ

28 декабря завершился ежегодный традиционный конкурс «Одно лучшее стихотворение года-2023». Он начинался два десятка лет назад как областной, но со временем превратился в конкурс без границ – в этом году в нём участвовали авторы 21 населённого пункта России – от Сибири до Крыма, от Санкт-Петербурга до Ростова.

Жюри в составе: Дмитрий Жаткин – председатель, Лидия Терёхина (Дорошина), Вячеслав Филонов, Марина Герасимова, Светлана Попеева (СП РФ), Михаил Рудаков (СПР) и Людмила Захарова (СПП) определили победителей.

Ими стали: 1 место – 45 баллов: Галина Акимова, г. Сердобск Пензенской обл., 2 место – 42 балла: Евгения Шулинина, г. Омск, 3 место – 41 балл: поделили Владимир Курков и Альберт Комаров из г. Заречного Пензенской обл. и Татьяна Рузаева, г. Пенза. Все они награждаются дипломами и памятными подарками.

Набравшие 39 баллов: Мария Перфилова, г. Пенза, Елена Колесникова, г. Воронеж, Виктория Беляева, пос. Темерницкий Ростовской обл., Лариса Арефьева, г. Сердобск Пензенской обл., награждаются дипломами участников и правом публикации в 2024 году авторских подборок в журнале «Четверговая соль».

Дипломами в различных номинациях и памятными подарками награждаются набравшие 38 баллов: Лариса Москвитина, г. Пенза, Ольга Правдина, г. Заречный Пензенской обл., набравшая 36 баллов Любовь Федянина, г. Пенза.

Диплом в номинации «Надежда» и памятный подарок получила набравшая 35 баллов Анастасия Крутецкая, г. Заречный Пензенской обл.

Памятные подарки получают также авторы, набравшие 35 баллов: Аглая Смородина, г. Москва, Мария Логинова, г. Никольск Пензенской обл., Екатерина Арзютова, г. Заречный Пензенской обл., Борис Иванов, г. Сосновый Бор Ленинградской обл.

ВСПОМНИМ

Александра Сергеевича Пушкина (26 мая [6 июня] 1799 – 29 января [10 февраля] 1837) – поэт, драматурга и прозаика, заложившего основы русского реалистического направления, литературного критика и теоретика литературы, историка и публициста.

* * *

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл и вот сама
Идёт волшебница-зима,
Пришла, рассыпалась клоками
Повисла на суках дубов,
Легла волнистыми коврами
Среди полей вокруг холмов.
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз, и рады мы
Проказам матушки-зимы.

Александра Сергеевича Грибоедова (4 (15) января 1795 – 30 января (11 февраля) 1829) – поэт, прозаика, драматурга, дипломата, лингвиста, историка, востоковеда, пианиста, композитора и статского советника.

Эпиграмма
И сочиняют – врут, и переводят – врут!
Зачем же врёте вы, о дети? Детям прут!
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть, – но вы ругаться удалцы!
Студенческая кровь, казённые бойцы!
Холопы «Вестника Европы»!

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Алексея Алексеевича Питикова – 5 января.
Наталью Николаевну Дурцеву – 15 января.
Ирину Борисовну Немову – 17 января.
Сергея Алексеевича Филина – 18 января.
Нину Александровну Шеменкову – 1 февраля.
Наталью Вячеслововну Каресли – 4 февраля.
Святослава Ивановича Кучера – 10 февраля.
Людмилу Павловну Захарову – 26 февраля.

